

Автобиографические страницы лысьвенских ветеранов войны и труда

Останин Яков Сергеевич

До Победы оставался всего один месяц

Родился я в 1912 году. Отслужил срочную службу в погранвойсках в 1934-1936 годах. Вернулся в Лысьву, работал на металлургическом заводе, был комсомольским пропагандистом. По решению Лысьвенского горкома комсомола в июне 1941 года в числе 4-х комсомольцев я был направлен в Свердловское военное училище.

Через четыре месяца учебы Главное политуправление Красной Армии направило меня в 266-й стрелковый полк 96-й стрелковой дивизии заместителем политрука роты. С кипой газет и журналов я ходил по землянкам и окопам, проводил беседы с бойцами, разъяснял им положение на фронте и в тылу. В это время враг рвался к сердцу нашей Родины – Москве.

На партийном собрании в ноябре 1941 года Я выступил с докладом «О текущем моменте», провел инструктивное совещание агитаторов. Здесь на передовой я принял первый бой и увидел смерть. В одном из боев погиб мой земляк со станции Кын.

Через три недели непрерывных боев нас перевели на другое направление. Войска фронта без паузы перешли от обороны в наступление. На исходный рубеж прибыли ночью. Получив белые маскировочные халаты, мы переоделись. С рассветом цепочкой перебежками приблизились к окопам врага. Из леса вышли на открытую местность, где подверглись шквальному артиллерийско – минометному и пулеметному обстрелу, но шли вперед, оставляя убитых и раненых. Мне с небольшой группой бойцов удалось вплотную подойти к немецким траншеям, но противник отрезал нас от своих плотной завесой артиллерийского огня. По нам фашисты не решались стрелять, опасаясь задеть своих. Под нескончаемым огнем противника, притворившись убитым, не имея возможности сделать малейшее движение, я день пролежал на поле боя. Когда стемнело, ползком добрался до своих.

Шестого декабря был шестой день наступления. В разгар боя что – то горячо ударило меня в грудь, и острая боль пронзила тело. Я потерял сознание. Пуля, прошив грудную клетку, задела легкое. Так я оказался в землянке «смертников», но организм выдержал, и я выжил. Два месяца я пролежал в госпиталях сначала в Подольске, а затем во Владимире. И снова фронт. Рана еще не затянулась и постоянно кровоточила. Долечивался на передовой.

Мы шли по Смоленской земле. Враг постоянно бомбил передовую и тылы, воинские части и поезда с продовольствием, вызывая перебои со снабжением. Однако и в таких тяжелых условиях мы верили в победу, сохраняя высокие моральные качества.

Лето 1942 года особенное в моей биографии. Меня приняли в ряды Коммунистической партии. После окончания курсов командного состава я с еще не затянувшейся раной был назначен командиром минометной роты 68-го стрелкового полка 70-1 стрелковой дивизии, впоследствии Краснознаменной орденов Суворова и Кутузова Верхнеднепровской. Начались бои за освобождение сотен населенных пунктов и городов, временно оккупированных немецко – фашистскими захватчиками. 28 июня 1944 года дивизия форсировала реку Днепр и освободила город Шклов. В дальнейшем дивизия принимала участие в окружении и разгроме сотысячной группировки немцев под Минском. Дальше прошли боями Белоруссию, содействовали освобождению г.Вильнюса, форсировали Неман со стороны Латвии. Я в звании капитана вошел в составе дивизии в Восточную Пруссию.

Вот один их эпизодов тех дней. Наблюдательный пункт находился в квадратной яме, в рост человека. Со мной были ординарец Степанов и санитарка-телефонистка, фамилию которой я не запомнил. Более суток мы не покидали эту яму и корректировали огонь батареи. Наша минометная рота подавила огневые точки противника, обеспечив продвижение пехоты.

С 26 марта 1944 года началось наступление нашей дивизии на северо-западную окраину города-крепости Кинигсберга. Западные окраины Прусской столицы прикрывал сильно укрепленный опорный пункт Гросфридоихсберг, родовое имение гитлеровского подручника Эриха Коха. Мы знали, что фашисты превратили Кинигсберг в неприступную крепость. Она представляла из себя пятиугольник, уходивший в землю на три этажа и площадью а пять гектаров. Двухметровые кирпичные стены были усилены слоем бетона и сверху засыпаны землей. Сооружение было окружено девятиметровыми рвами, заполненными водой.

При штурме Кинигсберга я командовал минометной ротой. Здесь впервые мы пользовались дымными минами, при помощи которых удавалось хорошо производить пристрелку и вести прицельный огонь по фашистам. В этом кровопролитном бою наша дивизия потеряла 520 солдат и офицеров, многие из которых воевали с первых дней войны. Мы тогда еще не могли знать, что до победы оставался всего один месяц.

Прильнув к стереотрубе, я видел, как металась под огнем наших минометов фашисты. При этом я не заметил, как страшный скрежет и оглушительный удар вырвали из –под ног пол, и качнулись стены дома. Это было последнее. Что я помнил при штурме Кинигсберга.В госпитале я узнал, что меня вынесли на носилках ординарец Иван Степанов и связист Минченко. Я лишился руки, одновременно были пробиты легкие.

День победы я встретил в госпитале в г.Тильзите. Было ясно, что на всю жизнь я остаюсь инвалидом, но радость победы переполняла сердце. Последний мой госпиталь № 3132 в г.Лысьве. Начальник госпиталя А.А.Бойко.

Было приятно сознавать, что наши ратные дела, пролитая кровь в боях с оголтелым фашизмом были не напрасны. Мы победили! Несмотря на инвалидность я трудился в родном городе, где последние пятнадцать лет возглавлял дорожный отдел. Через 36 лет после Победы неизгладимое впечатление оставила встреча с ветеранами дивизии и фотографирование у Знамени своего полка в 1980 году в городе Клайпеда.